

Первобытное язычество, его живые и мертвые остатки

РЕПРИНТ

Москва
Т8 RUGRAM
2021

УДК (03)
ББК я2

Первобытное язычество, его живые и мертвые остатки, – М. : Т8
Издательские технологии / RUGRAM, 2021. – 64 с. – (Дореволюционные
наставления).

ISBN 978-5-521-77396-1

Старинный труд по истории язычества и идолопоклонства, его начале,
расширении и падении.

BIC GB
BISAC REF015000

ISBN 978-5-521-77396-1

© Наталья Никонова, обложка, 2021
© Т8 RUGRAM, оформление, 2021
© Т8 Издательские технологии, 2021

ПЕРВОБЫТНОЕ ЯЗЫЧЕСТВО, ЕГО ЖИВЫЕ И МЕРТВЫЕ ОСТАТКИ.

I.

Общій вопросъ о происхожденіи и первоначальномъ характерѣ языческихъ религій сводится въ современной наукѣ къ спору двухъ мнѣній: анимизма и *натуризма*¹. Согласно первой изъ нихъ (главные ея представители Гербертъ Спенсеръ и Тайлоръ) религія вышла изъ сповидній. Пробуждаясь отъ сна дикарь помнитъ, что онъ видѣлъ себя дѣйствующимъ и переживающимъ мѣсто, что онъ встрѣчался со множествомъ различныхъ вещей и чувствовалъ себя даже болѣе свободнымъ и могущественнымъ чѣмъ на лѣн. Съ другой стороны и на себя самомъ, и на другихъ онъ замѣчаетъ, что спящій человекъ (или животное) лежитъ неподвижно и безчувственно на мѣстѣ и никакъ не можетъ въ этомъ видѣ производить и испытывать ничего подобнаго тому, что онъ переживаетъ во снѣ. Отсюда естественное заключеніе о двойной личности, объ особенной душѣ, живущей и дѣйствующей въ сповидніяхъ и о двухъ мірахъ, весьма схожихъ между собой по свойству и содержанію, но самостоятельно существующихъ рядомъ другъ съ другомъ. Это первобытное вѣрованіе, основанное такимъ образомъ на фактѣ сновъ, получаетъ дальнѣйшее развитіе и новую важность отъ факта смерти. Когда на

¹ Этотъ терминъ вошелъ въ употребленіе во французской и англійской литературѣ, какъ точное соотвѣтствіе термину анимизма (anima — animismus, natura — naturismus).

глазах дикаря явная личность его ближняго превращается въ бездыханный и разлагающійся трупъ, то что дѣлается съ другою душой умершаго, съ тою, которая живетъ и дѣйствуетъ въ свидѣніяхъ? Не переселяется ли она окончательно въ тотъ другой міръ, куда она по временамъ уходила и при жизни тѣла? Это предположеніе переходитъ въ несомнѣнную увѣренность, когда оставшіеся въ живыхъ видятъ во снѣ своего умершаго родича: очевидно второе я или душа спящаго, переносясь временно въ другой міръ, встрѣчается съ душой знакомаго покойника, на всегда тамъ водворившагося. При томъ, если и вторая личность спящаго проявляетъ въ свидѣніи такія силы и способности, какихъ не бываетъ на яву (напримѣръ, онъ можетъ летать по воздуху, мгновенно переноситься чрезъ большія разстоянія, предвѣщать будущее — въ пророческихъ снахъ и т. п.), то отсюда естественно заключать, что души, окончательно утвердившіяся въ этомъ другомъ волшебномъ мірѣ, должны обладать еще бѣльшимъ и постояннымъ могуществомъ, которымъ онѣ и могутъ пользоваться во благо или во вредъ живущимъ. Эти послѣдніе начинаютъ такимъ образомъ относиться къ своимъ умершимъ со страхомъ и благоговѣніемъ и дѣлаютъ ихъ предметомъ религіознаго культа. Особенно такимъ предметомъ становятся тѣ умершіе, которые и при жизни пользовались преимущественнымъ значеніемъ и почетомъ, а именно, во первыхъ, отцы семействъ и (при наро-станіи поколѣній) цѣлые ряды родовыхъ предковъ, а во вторыхъ, въ случаѣ болѣе обширныхъ и сложныхъ общественныхъ группъ — различныя представители верховной власти жреческой и военной и другіе вліятельные люди (волшебники, прорицатели), на которыхъ и прежде смерти смотрѣли какъ на существа высшего порядка. Такимъ образомъ, какъ души умершихъ родичей превращаются въ домашнихъ боговъ, такъ души умершихъ вѣстителей и обаятелей становятся богами національными.

Иначе представляется дѣло въ теоріи натурализма или многологіи природы. Прежде чѣмъ обращаться къ самому себѣ и наблюдать явленія психической жизни, первобытный человѣкъ пораженъ величіемъ и могуществомъ вѣншей природы, отъ которой онъ всецѣло зависитъ. Въ ея процессахъ и явленіяхъ онъ усматриваетъ присутствіе самопроизвольныхъ дѣятелей. Распредѣлив болѣе или менѣе точно этихъ олицетворенныхъ чело-вѣкообразныхъ дѣятелей по различнымъ частямъ вѣншаго міра, по тѣмъ или другимъ функціямъ природной жизни, связывая ихъ съ

небомъ и звѣздами, съ солнцемъ и луной, съ грозой и бурей, съ небеснымъ и земнымъ огнемъ, съ небесными и земными водами, мифологическое творчество создавало дѣйствительныя сонмы природныхъ боговъ, которые затѣмъ по естественнымъ аналогіямъ и по безсознательной игрѣ словъ ставились въ разнообразныя родственныя и враждебныя отношенія между собою и давали содержаніе множеству поэтическихъ мифовъ и теогоній.

Односторонность каждаго изъ этихъ взглядовъ бросается въ глаза. Если, согласно первой, анимистической теоріи, религія состоитъ въ сущности лишь въ поклоненіи умершимъ людямъ, то большая часть языческихъ боговъ, имѣющихъ явное отношеніе къ предметамъ вѣншей природы, должны объясниться какимъ-то недоразумѣніемъ. Такъ оно и выходитъ по мнѣнію Герберта Спенсера. Какое-нибудь дѣйствительное историческое лицо, старшина или военачальникъ имѣлъ собственное имя или прозвище, по значенію своему связанное съ какимъ-нибудь явленіемъ природы, напримѣръ, Свѣтлое Солнце, Гроховержецъ и т. п. Послѣ своей смерти онъ дѣлается предметомъ религіознаго культа, но затѣмъ, по мѣрѣ того какъ историческій характеръ этого лица забывается и остается только имя, самый культъ переносится съ забытаго покойника на предметъ природы, означаемый его именемъ, и такимъ образомъ возникаетъ мифическое представленіе солнечнаго бога, грозоваго и т. д. Еслибы Владиміръ Красное Солнышко не послѣдшій ввести въ Россію христіанство, то онъ самъ, согласно этой теоріи, превратился бы въ солнечнаго бога и владыку міра, а его потомокъ Иванъ Грозный сдѣлался бы непременно богомъ грозы¹. Но если не только крестившимуся

¹ Легко видѣть, что такое послѣдовательное развитіе анимизма или пантеизма у Герберта Спенсера сходится въ концѣ концовъ съ противоположною теоріей Макса Мюллера. По этому послѣднему, какъ извѣстно, мифологія обязана всѣмъ своимъ поэтическимъ богатствомъ единственно лишь умственной немощи людей, не имѣвшихъ фигуральнаго значенія грамматическихъ олицетвореній (персонифій) и придавшихъ имъ реальный смыслъ. Такъ, напримѣръ, изъ простой фразы, что роса, появляющаяся на зарѣ, постепенно исчезаетъ отъ лучей солнца—фразы, повторяемой въ различныхъ болѣе или менѣе живописныхъ оборотахъ, можетъ произойти цѣлое поэтическое сказаніе о томъ, какъ нимфа Роса (или Росистая или Росляница или Жемчужная и т. п.), рожденная богиней Зорей (или Зоркой или Зоренницей и т. п.), таетъ отъ несчастной любви къ богу Солнцу и наконецъ гибнетъ отъ его стрѣлы. Такимъ образомъ, если въ анимизмъ Герберта Спенсера собственное имя дѣйствительнаго историческаго лица, благодаря своему

Владимиру, но и язычнику Киру или Корешу (что значить солнце) не удалось превратиться въ солнечнаго бога, и если вмѣстѣ съ тѣмъ невозможно найти никакихъ историческихъ слѣдовъ отъ тѣхъ предполагаемыхъ царей и героевъ, изъ которыхъ послѣ ихъ смерти вышли Индра и Митра, Зевсъ и Аполлонъ, Амуны и Фти, то значить новый эвмеризмъ можетъ утверждаться единственно лишь на голословныхъ предположеніяхъ *ad hoc*, что для такихъ позитивныхъ мыслителей, какъ Гербертъ Спенсеръ, не совсемъ удобно.

Со своей стороны послѣдователи натурализма доходятъ до пелѣностей еще болѣе явныхъ, превращая въ солнечные (и грозовые) миѳы не только такіе, кажущіеся на первый взглядъ миѳическими, образы какъ Самсонъ, Дидона и т. п., но и несомѣнно историческихъ дѣятелей, начиная отъ Шакья-муни-Будды и до Вильгельма Телля. Главная бѣда этой школы въ ея псевдо-критическихъ изысканіяхъ состоитъ въ крайней и неизбежной безсодержательности природныхъ миѳовъ, позволяющей примѣнять ихъ безразлично ко всевозможнымъ лицамъ и событіямъ, конечно безъ малѣйшаго ущерба для исторической дѣйствительности сихъ послѣднихъ, но зато и безо всякой пользы для ихъ характеристики. Сравненіе съ солнцемъ само напрашивается въ случаѣ всякаго широко прославленнаго дѣятеля, и каждое сраженіе легко уподобить шумной грозѣ, особенно послѣ изобрѣтенія огнестрѣльнаго оружія. — Много вѣковъ раньше Юліон хрстіанская церковь, воспѣвала въ своемъ богослуженіи Христа какъ солнце правды. Но это не помѣшало одному извѣстному духовному оратору назвать и императрицу Екатерину II „нашимъ солнцемъ“; а для Людовика XIV le Roi Soleil стѣбалось постояннымъ прозваніемъ, какъ для Владимира св., несмотря на крайнее несоходство между этими двумя государями. Но оставляя въ сторонѣ народную поэзію и официальную реторику, наша повседневная рѣчь, какъ уже давно было замѣчено, вся состоитъ изъ поэтическихъ образовъ и метафоръ, которыя ничего не стоить превратить въ миѳы, и еслибы

общему значенію, переносится на соответственное явленіе природы, сообщая ему миѳическій характеръ, — то въ филологическомъ натурализмѣ Макса Мюллера, напротивъ, нарицательное имя предмета или явленія природы, послѣдствіе грамматическаго олицетворенія, превращается въ собственное имя вымышленнаго миѳическаго лица. Очевидно однако, несмотря на эту противоположность исходныхъ точекъ, окончательный результатъ въ обоихъ теоріяхъ одинъ и тотъ же: *миѳъ природы, основанный на словесномъ недоразумѣніи.*

изъ мнооологичности нашихъ выраженій можно было заключать о мнѣстескомъ значеніи самихъ выражаемыхъ предметовъ, то во всемъ мірѣ не осталось бы ничего кромѣ мнѣовъ. Поэтому въ повседневнои жизни никто и не увлекается этимъ легкимъ и универсальнымъ способомъ мнооологическаго творчества. Всякій знаетъ, напримѣръ, что слово просвѣщеніе указываетъ первоначально на представленіе о физическомъ свѣтѣ и что слово духовный одного и того же корня съ словомъ воздухъ; и однако никому не приходило въ голову принимать министерство народнаго просвѣщенія за солнечный мнѣъ, или относить духовное въдомство къ области атмосферическихъ явленій. Но сфера „научныхъ“ теорій не имѣющихъ непосредственнаго практическаго примѣненія оказывается болѣе гостепріимною для подобныхъ заблужденій. Наилучшимъ противъ нихъ средствомъ остается до сихъ поръ, по моему мнѣнію, книжка епископа Уэтли, блестящимъ и неопровержимымъ образомъ показавшаго всѣ черты солнечнаго бога въ знаменитомъ мнѣстескомъ героѣ, называемомъ Наполеономъ I,—какъ онъ поднимается въ своей славіи съ Востока (египетская экспедиція), какъ окруженный своими двѣнадцати маршалами (знаки зодіака) онъ озаряетъ весь міръ блескомъ своихъ подвиговъ, какъ затѣмъ онъ побѣждается враждебною силой стулп (зпмнее солнце) и какъ, наконецъ, исчезаетъ въ волнахъ океана на западномъ горизонтѣ (заходящее солнце).

Но и помимо крайностей и неумѣстныхъ примѣненій, ни та, ни другая изъ двухъ мнооологическихъ теорій, ни анимизмъ, ни натурализмъ,—не оказывается способною объяснить изъ своихъ принциповъ весь подлежащій ей матеріалъ, все дѣйствительное содержаніе языческихъ религій. Очевидно послѣдователи обѣихъ теорій только подчеркиваютъ и преувеличиваютъ ту или другую сторону дѣйствительной религіи, закрывая глаза на все прочее. Если приверженецъ солнечной и грозовой мнооологіи и не можетъ совершенно отрицать такого важнаго религіознаго элемента, какъ почитаніе предковъ и героевъ, то для него это все-таки что-то лишнее, отъ чего нужно поскорѣе отдѣлаться; точно также для анимиста признать связь древнихъ религій съ явленіями вѣблней природы есть печальная необходимость, которой онъ подчиняется лишь въ крайнихъ случаяхъ и въ наименьшей мѣрѣ; онъ въ сущности былъ бы счастливъ еслибы первобытное человечество вовсе не замѣчало ни неба, ни солнца, ни грозы, такъ же какъ приверженецъ натурализма желать бы чтобы древніе

люди вовсе не интересовались судьбой своих покойников и своею собственною будущностью.

Эта явная односторонность обѣихъ господствующихъ теорій естественно вызвала со стороны писателей съ болѣе объективнымъ и широкимъ взглядомъ попытку совмѣстить оба направленія, какъ равноправныя, дать въ объясненіи религій одинакое мѣсто и значеніе какъ натуразму, такъ и анимизму. Подобный синкретическій взглядъ предложенъ недавно талантливымъ популяризаторомъ современной науки о религіяхъ, А. Ревилемъ. По его мнѣнію, представленіе о двойной душѣ и почитаніе умершихъ съ одной стороны и обожествленіе олицетворенныхъ силъ и явленій внѣшней природы—съ другой суть два одинаково самостоятельные и первоначальные, не выводимые одинъ изъ другаго, факторы религіозныхъ вѣрованій и культовъ. Этотъ взглядъ имѣеть конечно то преимущество, что онъ позволяетъ историкую религіи вносить въ свою научную опись все, что онъ найдетъ въ религіозномъ наслѣдіи человѣчества, не отдѣляясь отъ доброй половины этого наслѣдія посредствомъ произвольныхъ и натянутыхъ измышлений. Но въ смыслѣ разумнѣя и объясненія первобытной религіи этотъ третій взглядъ такъ же несостоятеленъ, какъ и два первые, потому что основанъ, какъ и они, на одномъ ложномъ предположеніи. Раздѣленіе анимизма и натуразма, а слѣдовательно и сочетаніе ихъ, какъ опредѣленныхъ и самостоятельныхъ факторовъ, предполагаетъ въ умахъ первобытнаго человѣчества ясное и твердое разграниченіе между внѣшнимъ и внутреннимъ міромъ, между человѣческою душою и силами и явленіями природы. Но именно этого мы и не имѣемъ права предполагать. Въ первобытныхъ воззрѣніяхъ можно искать и находить все, что угодно, но только не ясныя и раздѣльныя понятія о какихъ бы то ни было предметахъ. Предполагать въ зачаточномъ состояніи духовнаго развитія точное разсудочное мышленіе, это все равно, что растительному или животному сѣмени приписывать ту морфологическую и физиологическую раздѣльность частей, которая свойственна взрослому организму.

Самый вопросъ о томъ, кому или чему поклонялись первобытный человѣкъ: душамъ умершихъ или силамъ природы?—не имѣетъ смысла, ибо первобытный человѣкъ не полагалъ опредѣленнаго различія и еще менѣе раздѣленія между жизнью души и жизнью природы, такъ что душа или духъ умершаго дѣйствовалъ и какъ физическая сила, обнаруживался въ явленіяхъ внѣшней

природы, а эти послѣднія никогда не разумѣлись механически, а всегда связывались и сливались съ произвольными дѣятелями, приписывались стихійнымъ духамъ, каковыми могли быть и души умершихъ.

Хотя общіе законы и формы мышленія одинаковы для всякаго мыслящаго существа, но отсюда конечно не слѣдуетъ, чтобы самый характеръ мышленія, способъ воспріятія, представленія и сочетанія объектовъ былъ одинъ и тотъ же у ребенка и взрослого человѣка, у грезящаго во снѣ или въ горячечномъ бреду и у спокойно разсуждающаго въ здоровомъ и бодрственномъ состояніи. Безъ сомнѣнія, творцы древнихъ мифовъ (такъ же какъ и нынѣшніе дикари) пользовались безотчетно закономъ причинности, тождества и противорѣчія, они мыслили посредствомъ понятій, суждений и умозаключеній. Но при этомъ представленія первобытнаго человѣка о существенныхъ свойствахъ и связяхъ вещей въ мірѣ были совершенно непохожи на наши, и ужъ во всякомъ случаѣ онъ имѣлъ о духовномъ и вещественномъ мірѣ, о богахъ, людяхъ и животныхъ — совсѣмъ не тѣ односторонне-спиритуалистическія и односторонне-материалистическія понятія, которыя и для насъ самихъ стали привычными лишь въ послѣдніе два или три вѣка. Можно съ полною увѣренностью поручиться, что подъ „духомъ“ первобытный человѣкъ разумѣлъ нѣчто иное, чѣмъ недѣлимаго субъекта мышленія, чувства и воли, а также и во внѣшней природѣ онъ видѣлъ совсѣмъ не совокупность протяженныхъ и механически движимыхъ тѣлъ.

Но если въ первобытномъ міросозерцаніи нельзя предположить какого-нибудь разграниченія между внутреннею психическою жизнью и внѣшнимъ физическимъ явленіемъ, то откуда же бы взялось ясное различеніе между дѣятелями того и другого порядка, т.-е. между вторыми душами и духами умершихъ съ одной стороны и природными божествами съ другой? Поэтому мы не можемъ согласиться и со взглядомъ Ревилля, который, признавая первоначальную раздѣльность анимистическихъ и натуралистическихъ представленій, различаетъ въ первобытномъ пантеонѣ какъ бы два особые отдѣла, изъ конхъ одинъ наполненъ боготворимыми покойниками, а другой обожествленными силами и явленіями природы. Такихъ двухъ отдѣловъ въ дѣйствительныхъ религіяхъ не существуетъ. Мы допускаемъ, что люди съ самаго начала равно поклонялись и небеснымъ богамъ, и душамъ умершихъ, но лишь такимъ образомъ, что съ начала же небесные и

прочіе природные боги воплощались въ животныхъ и человѣческихъ тѣлахъ, становились душами и духами, а съ другой стороны умершіе духи всегда могли натурализоваться на небѣ, стать звѣздными, солнечными и лунными божествами, и еще легче они натурализовались въ областяхъ воздушной, наземной и преисподней, дѣлаясь грозowymi, лѣсными, водными и подземными богами. Слѣдовательно, помимо всякаго словеснаго недоразумѣнія, придуманнаго мѣологами, а напротивъ, самымъ простымъ и непосредственнымъ образомъ дикарь можетъ видѣть въ солнцѣ своего прадѣдушку, а въ завываніи бури слышать голосъ умершаго колдуна. Впечатлѣнія вѣшняго и внутренняго міра смѣшиваются здѣсь совершенно безотчетно и создаютъ иногда самые странные образы и представленія. Но если анимисты не безъ нѣкотораго основанія находятъ въ сновидѣніяхъ исходную точку языческихъ вѣрованій, то нѣтъ ничего удивительнаго, что тотъ специфическій характеръ, который свойственъ нашему мышленію во снѣ, отражается и на возникающихъ отсюда частностяхъ мѣологическаго міра.

Споръ между анимизмомъ и натуразмомъ долженъ, какъ мы видимъ, быть разрѣшенъ приблизительно тѣмъ же способомъ, какимъ уже разрѣшился въ мѣологической наукѣ болѣе старый споръ между приверженцами первоначальнаго монотеизма и защитниками первоначальнаго политеизма. Какъ извѣстно, Максъ Мюллеръ весьма убѣдительно доказалъ (главнымъ образомъ по отношенію Индійцевъ древнѣйшей ведійской эпохи, но то же можетъ быть доказано и относительно прочихъ народовъ), что ни настоящаго единобожія, ни настоящаго многобожія тутъ быть не могло по той причинѣ, что сами боги не были достаточно фиксированы и обособлены, такъ что каждый смѣшивался со всѣми и всѣ сливались въ одномъ. Чувствовалось съ самаго начала единство чего-то божественнаго, обнимающаго и проникающаго весь міръ, но это единство не приурочивалось постоянно и окончательно къ какому-нибудь одному богу, а связывалось, смотря по обстоятельствамъ, то съ тѣмъ, то съ другимъ: каждому изъ нихъ въ такомъ случаѣ приписывались свойства не только верховнаго, но и единственнаго божества, разумѣется, не съ отрицаніемъ всѣхъ прочихъ, а съ превращеніемъ ихъ въ имена и атрибуты всеединого. Такимъ образомъ, Максъ Мюллеръ признаетъ просто не относящимися къ дѣлу отвлеченныя категоріи единобожія и многобожія, взятые изъ позднѣйшаго духовнаго